

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТКЛИКИ НА НАУЧНЫЕ ОТКРЫТИЯ ЭПОХИ

Колин Макуилен

«Голос материи» Зенкевича:

ПАЛЕОНТОЛОГИЯ В ЭПОХУ МОДЕРНИЗМА

Colleen McQuillen

Zenkevich's "Voice of Matter": Paleontology in the Era of Modernism

Колин Макуилен (Университет Южной Калифорнии, США, доцент кафедры славянских языков и литератур; PhD) mcquille@usc.edu.

Colleen McQuillen (PhD; Associate Professor, Department of Slavic Languages and Literatures, University of Southern California, USA) mcquille@usc.edu.

Ключевые слова: Михаил Зенкевич, *Дикая порфира*, палеонтология, геология, модернизм, акменизм, адамизм

Key words: Mikhail Zenkevich, *The Wild Porphyry*, paleontology, geology, modernism, Acmeism, Adamism

УДК: 56+821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2023_179_1_71

UDC: 56+821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2023_179_1_71

В статье предлагается детальный анализ стихотворений палеонтологической и геологической тематики из сборника М. Зенкевича «Дикая порфира» в контексте ключевых палеонтологических открытий рубежа XIX–XX веков. Автор утверждает, что предложенная Зенкевичем гипотетическая картина жизни на Земле до появления человека расширяет границы акменстического реализма и адамистического примитивизма. Также показано, что планетарное сознание Зенкевича, сформировавшееся в эпоху активной популяризации науки, является эмблемой модернистского мировоззрения и ключевым моментом в понимании культуры модернизма.

This article analyzes paleontologically- and geologically-themed poems in Mikhail Zenkevich's collection *The Wild Porphyry* in the context of key scientific discoveries at the turn of the last century. It argues that Zenkevich's speculative portraits of life on earth before humans expand the boundaries of Acmeist realism and Adamist primitivism. It also suggests that Zenkevich's planetary consciousness, which emerged amidst active efforts to popularize science, is a hallmark of a modern worldview and thus integral to understanding Russian modernist culture.

В ряду естественных наук, оказывающих влияние на выработку современного мирозерцания, геология занимает, бесспорно, одно из первых мест

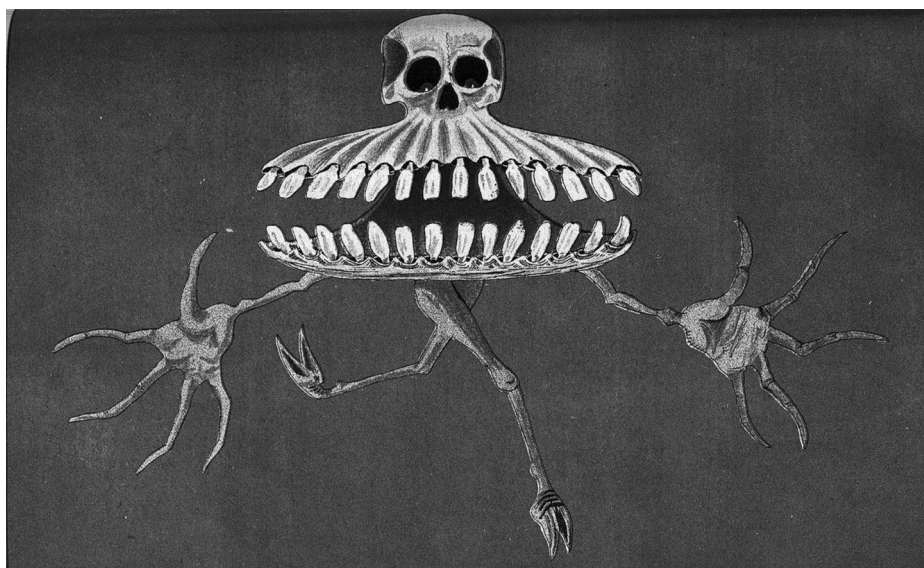
[Вальтер 1911: 3].

В начале XX века ученые, обыватели, писатели и художники столкнулись с нарастающим потоком материальных свидетельств жизни на Земле до появления человека: из первых рук — из лабораторных экспериментов и музейных коллекций и опосредованно — из статей и карикатур, публикуемых в массовых журналах и газетах. Новооткрытые основные начала геологии и окаменелости наглядно показали, как далеко в необозримое прошлое уходит история мира,

и овестьвили концепцию эволюционного прогресса, которая, в свою очередь, повлияла на «выработку современного мирозерцания» — эта идея послужила эпиграфом к данной статье. Некоторые художники сочли новое понимание нашего планетарного и биологического прошлого поводом для юмора, как показывает ряд иллюстраций, опубликованных в журнале «Шут» за 1897 год, среди которых был и причудливый скелет вымышленного динозавра клавиозавра оглушителя (ил.). Другие — например, писатель и популяризатор науки Николай Рубакин — стремились сделать новинки геологии и палеонтологии достоянием общественности, публикуя научно-популярные тексты и включая научную тематику в художественные произведения. «История русской земли» (1908) и «Как, когда и почему люди появились на Земле?» (1909) Рубакина разошлись во множестве экземпляров — во многом благодаря его сотрудничеству с серией «Популярная библиотека». В последней из них писатель в общих чертах объяснил теорию земных пластов, по которым, как по книге, можно проследить историю их формирования:

Дело вот в чем: ведь остатки и отпечатки разных животных внутри камней найдены в разных пластах Земли. А пласты эти лежат один на другом. Иные глубже от поверхности Земли, а другие на них поверху... Значит, глядя на пласты Земли, можно узнать, какие породы когда появились и когда вымерли. Пласты Земли — что страницы огромной книги, где все это показано. Только научись ее читать [Рубакин 1908: 19—22].

Сравнение пластов Земли со страницами книги было естественным для Рубакина, который был не только автором научно-популярной литературы, но также библиофилом и книговедом¹. Он отметил важность страт, раскрывающих

*Ил. Скелет вымышленного динозавра клавиозавра оглушителя.
Источник: Шут. 1897. № 11. 15 (27) марта. С. 16.*

1 Уподобление природных и планетарных явлений книге имеет долгую историю в литературе славянских стран. См.: [Cizevskij 1955].

хронологию зарождения и вымирания видов, чтобы провести геологическую аналогию с линейной природой повествования и чтения. Окаменелости — это слова, организованные в таком порядке, что составляют связный рассказ.

Поэт Михаил Зенкевич — еще одна культурная фигура начала XX века, которую привлекла палеонтологическая тематика и образность, — развернул метафору окаменелостей как историй в своем сборнике 1912 года «Дикая порфира». Если писатели вроде Рубакина использовали эту аналогию как риторический прием, то у Зенкевича стихотворения сами играют роль окаменелостей: они кристаллизуют безмолвный доисторический мир, придавая ему материальную форму, доступную человеческой интерпретации. Вербальный характер стихотворений открывает доступ к зримым, но не рассказанным историям Земли до появления человека. Предпринятый в данной статье анализ показывает, что произведения Зенкевича, изображающие мир таким, каким он, возможно, был до восприятия его человеческим сознанием, опираются на зрительное узнавание мира и почти лишены диегетического звукового ландшафта. Стихотворения озвучивают сцены докембрийского безмолвия и доязыковой жизни на Земле.

Хотя Зенкевича причисляют к акмеистам и адамистам, он тем не менее находится на периферии русского модернизма. Акмеизм традиционно определяют как постсимволистское возвращение к вещному миру как источнику вдохновения и предметов для поэтического высказывания. Как таковой его обычно связывают с реализмом как предметно изобразительным стилем. Подгруппа адамистов обратилась к далекому антропологическому прошлому: они разделяли кубофутуристское увлечение примитивизмом — стилем выражения, имитирующим искусство доисторических *Homo sapiens* и современных «неконтактных народов», воспринимаемых западным миром как менее развитые. Как будет показано, зенкевичевские умозрительные картины жизни на Земле до появления человека раздвигают границы акмеистического реализма и адамистического примитивизма. Я также намерена доказать, что планетарное сознание Зенкевича, сложившееся среди палеонтологических открытий и активных попыток институционализировать и популяризировать науку, в частности геологию, в начале XX века, является ярким свидетельством его принадлежности к модернизму. Модернизм в первую очередь означает обостренное чувство настоящего момента и разрыв с предшествующей эпохой. Научные открытия, обнаружившие исключительное своеобразие далекого прошлого путем пристального рассмотрения окаменелых останков вымерших существ, подтвердили и дарвиновскую теорию эволюции, и модернистскую убежденность в эпохальной природе времени.

Геопэмы в «Дикой порфире»

Сборник состоит из 54 стихотворений, первые 15 из которых посвящены космологии, палеонтологии и геологии. В остальных присутствуют образы и темы, связанные с природным миром, но они лишены уходящей в далекое прошлое временной перспективы, свойственной геопэмам, открывающим сборник. Я ввожу это жанровое определение по аналогии с неологизмом «геоистории», созданным исследовательницей Донной Харауэй для обозначения неантропоцентрических повествований о природном мире. В «геоисториях»

нечеловеческие формы жизни и неорганическая материя Земли присутствуют как автономные агенты — в отличие от «историй», в которых задействованы только человеческие акторы. В «Дикую порфиру» также включены историографические стихотворения, предметом которых являются исторические фигуры Древнего мира: Марк Аврелий, Коммод, Навуходоносор, Александр Македонский, — эти стихотворения следуют сразу за геопоземами. Такая последовательность продолжает хронологическую и эволюционную траекторию: Земля формируется, появляются примитивные формы жизни, постепенно развиваются более сложные организмы, и они в итоге порождают *Homo sapiens*.

Хотя число геопозем сравнительно невелико, они принципиально важны для утверждения эволюционного развития в данной книге. Переводчики и литературоведы обычно подчеркивают семантическую связь слова «порфира» в заголовке с пурпурным цветом, близким по спектру к багровому — цвету крови и мяса, образы которых присутствуют в целом ряде стихотворений из этого сборника. Тем не менее полисемия слов «порфира» и омонимичного ему «порфир» дает нам возможность более расширенного понимания поэтической концепции Зенкевича. Слово «порфира» обозначает и род красных водорослей, и пурпурную мантию монарха. Оно указывает на предметы как из природного, так и из рукотворного мира — так же, как и стихи из этого сборника. Заметим вдобавок, что словом «порфир» называют красную вулканическую породу с крупными белыми вкраплениями, что вводит геологическую тему.

Помимо этих лексических значений при анализе смысловой нагрузки заглавия необходимо также учитывать эпитаф, взятый Зенкевичем из стихотворения Боратынского «Последняя смерть» (1828):

И в дикую порфиру древних лет
Державная природа облачилась
[Боратынский 2002: 180].

В этом стихотворении запечатлена смена эпох: от торжества разума и процветания человеческой жизни на Земле — до ее упадка и вымирания. Зенкевич творчески воспринял разработанную Боратынским концепцию эволюции на протяжении *longue durée*, включая вымирание человеческого рода. Лирического героя «Последней смерти» можно рассматривать как божественного или иного сверхпланетарного наблюдателя. Боратынский акцентирует визуальное свойство предчувствия лирическим героем надвигающейся катастрофы, используя три семантически связанных слова — «являться», «очи», «видеть»:

События вставали, развивались,
Волнуясь, подобно облакам,
И полными эпохами являлись
От времени до времени очам,
И наконец я видел без покрова
Последнюю судьбу всего живого
[Там же: 178].

К тому же он использует сравнение, в котором соотносит развитие событий с волнением облаков, чем создает зрительный образ, дополнительно усиливающий роль наблюдающего глаза. Как будет показано ниже, лирическому герою

Зенкевича в геопоэмах из «Дикой порфиры» открывается неограниченный обзор на планету, но звуковой ландшафт Земли в них демонстративно отсутствует.

Сборник Зенкевича получил положительные отзывы от таких литературных знаменитостей, как Василий Гиппиус, Сергей Городецкий и Вячеслав Иванов. Напротив, Валерий Брюсов в статье «Сегодняшний день русской поэзии» (1912) высказал опасение, что творчество Зенкевича «довольствовалося повторением научных данных», вместо того чтобы создать «нечто свое, новое». Молодому поэту якобы не удалось дать «новый синтез» за пределами науки и художественно осмыслить материальный мир с его космическими истоками [Брюсов 1912: 46]. Это мнение трудно назвать справедливым. В отличие от Бориса Гуревича, который проповедовал «сциенцизм» как новую поэтическую тенденцию модернизма и новую религию (см. его сборник 1913 года «Вечно человеческое: книга космической поэзии»), Зенкевич допускал и существование божества в виде вдохновляющего духа, и естественные законы природы. Поэт, несомненно, опирался на свои знания о палеонтологических открытиях и связанных с ними научных исследованиях первой декады XX века, однако он вышел далеко за пределы их эмпирического толкования, детально воплотил в стихе цвет, текстуру и динамику дочеловеческого мира.

Предметом геопоэм Зенкевича стало формирование Земли и Солнечной системы, доисторические ящеры и мамонты, владеющие сушей, и материальное родство, связывающее человека с этими доисторическими животными. Лирическое «я» обозначает свое присутствие, обращаясь к предмету, изображаемому в стихотворении, во втором лице («ты», «вы») и описывая себя как адресата его действий («меня», «мне»). Однако оно наделено только зрением: именно глаз фиксирует насыщенные визуальные образы, кинетическую активность, а также физическую массу и тактильные характеристики текстуры и температуры. Это воспринимающее око видит цвет и отражения; геологические события — в процессе и по факту; появление, угасание и распад различных форм жизни — и обладает способностью ощущать поверхность материи и взвешивать ее массу.

Чего лирическое «я» лишено, так это слуха: практически ни в одной геопоэме из «Дикой порфиры» не слышится звуковой ландшафт стихийного хаоса и формирования земного рельефа. Звуковая образность практически сводится к регистрации тишины: «В ночи безмолвствуют расщелины» («Свершение»), «тихо спит руда» («Земля»), «дремали вы среди молчанья» («Металлы»). Есть, правда, два ярких исключения. Первое из них — стихотворение «Махайродусы», наполненное звуками поглощения пищи («хрустя и хлюпая»), выражения эмоций («жалобно ревел»), буйства стихий «огонь гудел» и движения («шлепанье») [Зенкевич 1912: 30—32]. Второе — это «В зоологическом музее», принципиально важное для данного исследования:

И повествуют о веках размытых,
Как железняк о пламенных мирах,
Кровь мамонтов из дебрей ледовитых,
Их мускулов, волос тяжелый прах...

Плотские останки мамонтов (кровь, прах мускулов и волос), сохранившиеся в земле в качестве застывших свидетельств, наделены в стихотворении способностью рассказывать историю. Ископаемые остатки из экспозиции зоологического музея говорят на языке, понятном лишь детям:

И только дети <...>
Одни поймут нам скрытое единство
Живой души, тупого вещества!
[Там же: 35—36]

Несмотря на убежденность лирического героя в том, что взрослые не способны постичь «скрытое единство» человека с «тупым веществом», Зенкевич-поэт видит и описывает молекулярную связь всего сущего в геопоземах. Второе и третье стихотворения сборника («Ты дико-сумрачна и косна...» и «Всему — весы, число и мера...») опубликованы под общим заголовком «Гимны к материи», определяющим роль поэта как певца, воспевающего иначе неузнаваемые связи². В статье «Некоторые течения в современной русской поэзии» (1913), опубликованной в журнале «Аполлон», адамист Сергей Городецкий выбрал именно эти строки, чтобы похвалить Зенкевича за чуткое понимание нечеловеческого мира: «Махайродусы и ящеры — доисторическая жизнь Земли — пленили его воображение; ожили камни и металлы, во всем он понял “скрытое единство живой души, тупого вещества”» [Городецкий 1913: 48—49]. Несмотря на «тупость», материя на рудиментарном уровне обращается к тем, кто способен услышать и передать ее рассказы.

В «Silentium» (1910) Мандельштам также описывает сцену докембрийского безмолвия до появления жизни и языка. Первичная туманность с завихрениями первородной материи предшествует аудиальной сфере речи, музыки и слова:

Она еще не родилась,
Она и музыка и слово,
И потому всего живого
Ненарушаемая связь

[Мандельштам 1916: 16].

Слияние слова с «первоосновой жизни» звучит отголоском библейской концепции о сотворении мира, начавшемся с божественного Слова. И все же, если логос, по Мандельштаму, и может быть организующим принципом вселенной, само слово — акустический феномен. Мандельштам возвращается к тематической связи между звуком и материей (в данном случае говоря об уникальной способности поэта слышать ее голос) в статье «Утро акмеизма» (1913):

Владимир Соловьев испытывал особый пророческий ужас перед седыми финскими валунами. Немое красноречие гранитной глыбы волновало его, как злое колдовство. Но камень Тютчева, что «с горы скатившись, лег в долине, сорвавшись сам собой иль был низвергнут мыслящей рукой», — есть слово. Голос материи в этом неожиданном падении звучит как членораздельная речь [Мандельштам 1987: 169].

Тождество камня и слова упрочивается в заглавии мандельштамовского сборника 1913 года «Камень», в который включен целый ряд стихотворений, выражающих скептическое отношение к слову (в том числе «Silentium») [Khagi

---

2 В своей статье данного блока Филипп Коль рассматривает эти стихотворения Зенкевича в одном ряду с «гимнами материи» Рене Гийя и Константина Бальмонта.

2013: 75]. Как будет показано ниже, образ «голоса материи» — окаменелостей, внятно свидетельствующих о прошлом для тех, кто способен их услышать, — продолжает свое существование в научном и массовом дискурсах той эпохи.

Палеонтологические открытия

Нет никаких конкретных доказательств того, что Зенкевич был в курсе палеонтологических открытий, сделанных в пору его юности: ни прямых упоминаний о них в его дневниках и письмах, ни каталога его личной библиотеки ни, например, подписки на периодику. Высшее образование он получил не в области естественных наук: в 1915 году он окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Все, что у нас есть, — это упоминание Зенкевича о его научных интересах в краткой заметке «От автора», написанной им в качестве предисловия к сборнику «Сквозь грозы лет» (1962), но так и не опубликованной:

Во многих стихах я старался поэтически выразить научную тематику. В этом сказало мое юношеское увлечение геологией и естествознанием. Увлеченно, с пылкостью юного воображения писал я лирические стихи об эволюции жизни на Земле и об исчезнувших гигантских животных, видя в них предков человека и как бы ощущая их кровь в своих жилах. <...> В противовес эстетизму и красоты поэзии того времени я не боялся касаться физиологических основ жизни и смело вводил темы и образы, считавшиеся прозаическими, слишком грубыми, антипоэтическими [Зенкевич 1994: 629].

В книгу «Дикая порфира» вошли стихи, написанные Зенкевичем в 1909—1911 годах, когда ему было немногим более двадцати лет, — отсюда и характеристика интереса к наукам как «юношеского увлечения». Есть как минимум одно литературоведческое мнение о влиянии палеонтологических открытий на тематику поэзии Зенкевича:

В 1901 г. на берегу реки Березовки, притока Колымы, был обнаружен хорошо сохранившийся экземпляр мамонта, перевезенный в 1902 г. в Зоологический музей Санкт-Петербурга³. Экспонаты музея послужили поводом для лирических сюжетов не только «Мамонта», но и других текстов [Зенкевича], таких как «Зоологический музей», «Сибирь». Физиологические подробности описания, основанного на реальных наблюдениях, переплетаются с мифологическими сказаниями о мамонтах; плоть, не истлевшая в вечной мерзлоте, символически трактуется как прорыв плейстоцена в современность [Рогачева 2016: 52].

Хотя я и не убеждена в том, что именно это конкретное событие вдохновило Зенкевича на написание упомянутых стихотворений, первое десятилетие

---

3 Н.А. Рогачева, видимо, имеет в виду экспедицию в Якутск, сообщение о которой появилось в газете «Новости дня» 29 (16) декабря 1901 года: «Экспедиция, командированная академией наук для исследования в Колымском округе под руководством зоолога Герца, после больших трудов прибыла в Средне-Колымск с вывезенным мамонтом. Мамонт — самец, средних лет. Скелет и кожа, за малыми исключениями, найдены целыми. Хвост короткий, покрыт длинными волосами» (Газетные старости. Обзор русских газет начала XX века. 29 (16) декабря 1901 года // <http://starosti.ru/archive.php?m=12&y=1901> (дата обращения: 26.12.2022)).

XX века изобиловало случайными и запланированными палеонтологическими открытиями, что подробно освещалось в прессе и будоражило воображение специалистов и широкой публики.

Научные экспедиции на рубеже веков обнаружили огромное количество окаменелостей. Владимир Амалицкий сделал наиболее прославленные открытия в 1899—1900 годах. Экспедиция Амалицкого нашла на берегах Северной Двины двадцать полных скелетов парейазавров, пять полных скелетов дицинодонтов, два полных скелета рапалодонтов, массу разрозненных черепов и костей, а также много окаменелостей из растительного царства. Одна из публикаций об их беспрецедентных находках принадлежит перу Александра Павловича Чехова, брата Антона Чехова, который опубликовал в крупнотиражной газете «Новое время» за 1901 год статью «Палеонтологические раскопки проф. В.П. Амалицкого». В ней он рассказал об открытом заседании в геологическом кабинете Петербургского университета, на котором публично продемонстрировали скелет парейазавра. Чехов цитирует вступительное слово Амалицкого, поставившего свою находку в контекст тектонических процессов: «Нынешняя Европа не всегда была такою, какою мы знаем ее теперь. В отдаленные от нас эпохи она несколько раз опускалась под воду, и на ее месте шумело море, и несколько раз она поднималась, выступала из воды и делалась материком» [Чехов 1901: 236]. Чехов поясняет как научное, так и общественное значение находок, сделанных профессором Амалицким: они «не только пролили новый свет на одну из неразгаданных областей геологии, но и коренным образом изменили некоторые господствовавшие в ней воззрения. Но еще важнее... [что] это палеонтологическое открытие сделано в России и составляет нашу русскую национальную гордость» [Там же: 237]. По мнению Чехова, эта коллекция обеспечила его стране первенство в мировой науке: Россия располагает палеонтологическим музеем, «какого до сих пор еще не было в мире», и «в палеонтологическом отношении стоит выше всех стран цивилизованного мира» [Там же: 238—239]. Даже размер найденного в России скелета парейазавра (а он, как отмечает журналист, в полтора раза больше, чем тот, который к тому моменту хранился в Лондоне и считался единственным в мире) читается в контексте статьи как своего рода комментарий к превосходству России — как научному, так и геополитическому.

Не забыв упомянуть о шуточном прозвище экспоната («Парейазавр Владимирович» в честь Амалицкого), Чехов тем не менее ведет речь о нем как о «допотопном хищном ящере»: «Глазам присутствующих предстал скелет огромного допотопного животного... Это было страшное чудовище, жившее, по толкованию геологов, за пять или даже за десять миллионов лет до нашего времени» [Там же: 237]. Интересной деталью в этом описании является употребление слов «ящер», «чудовище» вместо слова «динозавр», которое тогда еще не вошло в русский лексикон [Нелихов 2020]. «Чудовище», этимологически связанное со словом «чудо», имеет эмоциональную окраску, отсутствующую в научной терминологии. Зенкевич в своих геопоэмах демонстрирует более точное знание природного мира, упоминая конкретные доисторические существа, которые некогда ползали и бродили по земле: ящера, мамонта, махайродуса, динотерия, слизняка и удава. Несмотря на лексическую специфику, он передает владеющее лирическим субъектом чувство временной и генеалогической удаленности, когда говорит о странности этих вымерших форм жизни. Например, он упоминает «чудовищные яйца» ящеров [Зенкевич 1912: 28]

и «стада и табуны ублюдков безобразных» [Там же: 30], что показывает различие между современным человеком и чужеродными организмами.

Одновременно с многочисленными репортажами об открытиях Амалицкого в массовой печати популярный журнал «Природа и люди» опубликовал в 1900 году серию статей под общим заглавием «Новое прошлое». Там рассказывалось, как строительство Транссибирской магистрали привело к непредвиденному обнаружению окаменелостей, за исследование которых в лабораториях и музеях с энтузиазмом взялись геологи и палеонтологи [Вапердеев 2012: 34]. В 1899—1905 годах, во время строительства Кругобайкальской железной дороги, рабочие извлекли из раскопов массу окаменелостей и образцы горных пород. Случайные находки делали рыбаки и крестьяне; помимо останков мамонта, чья «кожа хорошо сохранилась», найденных в Тюмени в сентябре 1901 года, не менее одиннадцати раз между 1907 и 1912 годом кости мамонта, целые скелеты и/или бивни были либо случайно обнаружены людьми, либо вышли на поверхность земли в результате геологических процессов⁴.

Разумеется, помимо репортажей об этих открытиях в газетах, были и специализированные публикации в таких изданиях, как «Природа и люди», «Вокруг света», «Аргус», «Научное обозрение», и «Журнал новейших открытий и изобретений» [Ibid.: 9]. Ученые изучали окаменелости в лабораториях, и их работы воплощались в многочисленных печатных трудах, рассчитанных как на коллег-естественников, так и на дилетантов. Для понимания контекста, в котором палеонтологическая тема появилась у Зенкевича, особенно любопытны тексты, созданные на русском и переведенные с европейских языков, которые предназначались массовому читателю и были опубликованы в первое десятилетие XX века⁵. Первый учебник палеонтологии, написанный на русском языке, вышел в свет прямо на заре Серебряного века⁶. Двухтомный «Краткий курс палеонтологии» Иосифа Ивановича Лагузена (который родился в России, но по отцу был немцем) был опубликован Императорской академией наук в Петербурге в 1895 году [Lobacheva 2007: 222]. В научно-популярных произведениях Вильгельма Вильгельмовича Битнера («Исповедь Земли: Очерк успехов геологии палеонтологии», 1901) и Валериана Викторовича Лункевича («Подземное царство», 1909) можно проследить появление образной трактовки палеонтологических открытий как обретения самой Землей дара речи. Извлекаемые из земных недр окаменелости — это своего рода исповедь Земли, тысячелетиями таившейся от человечества и теперь наконец

-
- 4 См.: Газетные старости. Обзор русских газет начала XX века. 24 (11) ноября 1909 года // <http://starosti.ru/archive.php?y=1909&m=11&d=24> (дата обращения: 26.12.2022).
  - 5 «Новое время», «Наше время» и «Природа и люди» публиковали гипотетические изображения вымерших существ, а сатирические издания, такие как «Шут» и «Осколки», помещали на своих страницах забавные карикатуры, в которых присутствовали гигантские скелеты и бивни мамонтов.
  - 6 До издания учебника, разумеется, были научные труды для специалистов, в том числе «Палеонтология России» (ч. 1—2, 1854—1861), написанная Эдуардом Ивановичем Эйхвальдом. В России количество научных исследований в области эволюционной биологии и палеонтологии значительно возросло в 1870—1880-е годы. Среди них выделялись работы В.О. Ковалевского, А.П. Павлова и П.Н. Венюкова [Vucinich 1970: 398—404]. Учебник 1895 года примечателен тем, что он вышел именно тогда, когда ученые изо всех сил стремились популяризировать естествознание среди людей, далеких от научных кругов, что совпало с серией масштабных открытий окаменелостей в России.

готовой поведать историю своего прошлого. По выражению Битнера, «На долгое время язык немой исповеди великой молчаливицы оставался непонятым, и тайны ее богатого прошлого, казалось, были похоронены веками» [Битнер 1901: 3]. И теперь, благодаря новейшим достижениям ученых, окаменелости и геологические свидетельства, безмолвно хранившие секреты Земли, обрели способность говорить и быть услышанными.

Прозвучал даже голос самой материи — в письме, присланном в газету «Сибирский понедельник» и написанном от лица горной породы. В 1910 году разгорелись споры вокруг «кубиков» — образцов минералов, собранных во время строительства Кругобайкальской железной дороги. Директор Иркутского музея требовал, чтобы они остались в той губернии, где были извлечены из земли, а петербургские ученые утверждали, что находки лучше послужат науке, если их переправят в столицу. 9 августа 1910 года была опубликована «Жалоба музейских кубиков», в которой от первого лица выражались чувства материи, «обиженной» учеными: с тех пор как их забрали из Иркутска, минералы якобы немало пострадали от музея, который стал их приютом [Fein 2013: 419]. Появление геологического образца в роли экспоната приводит на память процитированное выше стихотворение Зенкевича «В Зоологическом музее» — тем более что в обоих случаях голос ископаемых объектов, извлеченных из земли и помещенных в музейную экспозицию, в конечном итоге оказывается услышан.

Акмеизм и адамизм

В своих манифестах акмеисты во всеуслышание объявили об отказе от символистской абстракции и приятии вещного мира, что исследователи традиционно связывают с эмпиристской эстетикой, диктуемой реализмом. В представлении акмеистов язык подчиняется пресоссюровскому закону тождества, получившему запоминающееся выражение в «Утре акмеизма»: «А=А: какая прекрасная поэтическая тема» [Мандельштам 1987: 172]. Адамистами называли подгруппу акмеистов, которые провозгласили поэта современным воплощением ветхозаветного Адама, давшего имена всем существам на земле. В 1910 году Гумилев написал стихотворение «Адам», а тремя годами позже Городецкий написал стихотворение с таким же заглавием. В 1913 году Городецкий заявил, что первой стадией акмеизма было «сотворение заново» экзотических животных в поэзии Гумилева: «Тогда нельзя было еще думать, что это уже идет Адам. Но мало-помалу стали находить себе выражение и адамистические ощущения» [Городецкий 1913: 48]. Адамизм позиционировался как более продвинутая стадия акмеизма. В том же эссе Городецкий с похвалой отзывался о «Дикой порфире» Зенкевича и «Аллилуйя» Владимира Нарбута: материальный мир занимает в них центральное место, что делает их выражением адамистической этики.

Фигура Адама символизирует переход от доязыкового примитивизма к прирученному, снабженному именами и организованному вещному миру — что можно также интерпретировать как эволюцию от доисторических геоисторий к антропоцентрическим историям. В 1922 году Корней Чуковский отметил «моду» на примитивизм среди адамистов и футуристов и оценил иронию ситуации — современность тянется к первобытности:

Ведь нынче в моде, напротив, пещерность, звериность, дикарство; поэты из сил выбиваются, как бы позверинее рявкнуть... Нынче даже тонкие эстеты, парнасцы, как, например, Гумилев, вдруг записались в Адамы: основали секту адамистов, первобытных, первозданных людей. — Как адамисты, мы немного лесные звери! — уверяют эти господа. — Сбросим же с себя «наслоения тысячелетних культур»! Все эти адамисты, как и эгофутурист Игорь Северянин, — живут в Петербурге и порождены Петербургом... Это всеобщая тяга. Джек Лондон отнюдь не футурист, а ведь вся Европа влюбилась в него именно за эти призывы к первобытности, звериности, стихийности. Стихийность! [Чуковский 1922]

Здесь Чуковский делает отсылку к гумилевскому манифесту «Наследие символизма и акмеизм» («Как адамисты, мы немного лесные звери и, во всяком случае, не отдадим того, что в нас есть звериного, в обмен на неврастению» [Гумилев 1913: 44]) и к повести американского писателя Джека Лондона «Before Adam» (1906—1907), переведенной на русский и изданной под заголовком «До Адама» [Лондон 1909]. Герой этой повести, человек начала XX века, одержим видениями опасной, иррациональной жизни Homo erectus, который не обладает еще даром речи. Переживание рассказчиком первобытной жизни своего далекого прародителя и показывает современного человека венцом дарвиновской эволюции, и заставляет его проникнуться бессознательным чувством родства с примитивным человеком.

Тема эволюции имплицитно присутствует в воззрениях акмеистов и отражает видение этими поэтами самих себя как новейшей стадии развития русской поэзии. В «Утре акмеизма» Мандельштам объявляет акмеистов наследниками футуристского примитивизма и последним звеном эволюционной цепи: «И если у футуристов слово как таковое еще ползает на четвереньках, в акмеизме оно впервые принимает более достойное вертикальное положение и вступает в каменный век своего существования» [Мандельштам 1987: 169]. Хотя, упоминая каменный век, Мандельштам имел в виду скорее антропологическое, чем геологическое время, он подчеркнул столь важное для модернизма ощущение хода времени и «бытия в настоящем моменте» (впрочем, десятью годами позже он начнет с антипатией отзываться о концепции линейного прогресса и дарвиновской эволюции).

Стихи Зенкевича «В зоологическом музее» и «Махайродусы» подтверждают эволюционный характер развития форм наземной жизни, изображая Homo sapiens новейшим звеном эволюционной цепи. В «Махайродусах» утверждается наше родство с вымершими животными и с планетой — обращаясь к «Земле-владычице», лирический герой умоляет: «Не порывай со мной, как мать, кровавых уз». Стихотворение «Темное родство» также отсылает читателя к зарождению и эволюции жизни на планете: здесь провозглашается утробная связь между человеком, морской инфузорией, вымершим растением сигиллярией и мамонтами.

О предки дикие! Как жутко-крепок
Союз наш кровный. Воли нет моей,
И я с душой мятущейся — лишь слепок
Давно прошедших, сумрачных теней

[Зенкевич 1912: 27].

В стихотворении «Земля» человек, растительные и животные формы жизни одинаково подвержены «струпьям», «карбункулам», «болячкам» и гниению: мы «твари — мы плодимся и ползем, как в падали бациллы разложения» [Там же: 15]. Зенкевич не пытается стереть человека из этого стихотворения, номинально посвященного Земле: человечество здесь представлено как член сообщества земной жизни. В «Ящерах» человек практически приравнивается к его животным предшественникам — хотя и признается превосходство разума: «Я зверь, лишенный и когтей и шерсти, / Но радугой разумною проник». В финальной строфе утверждается единство человека на уровне элементарных частиц со всем сущим — как одушевленным, так и неодушевленным: «Чтоб... / <...> / Подобно раскаленным электронам / Мои частицы в золоте неслись» [Там же: 29].

Материальное единство всех форм жизни — это история, рассказанная посредством биологической эволюции, но не без тревожной ноты, заложенной в неумолимом цикле рождения и смерти видов. Зенкевич исследовал метафизические импликации этого родства в «Человеке»: однажды «природа первенца сметет, как... из чрева... плод» [Там же: 34]. Здесь особенно сильна связь с эпитафией из «Последней смерти» Боратынского, рассмотренным выше. Лирический субъект Зенкевича учит нас смирять гордыню и учиться у самых презренных существ, поскольку в будущем грядет закат человечества: «И у последней слизкой твари / Прозренью темному учись» [Там же]. Пусть в настоящий момент человечество новейшее и потому наиболее прогрессивное звено эволюционного развития, но и ему грозит вымирание (см. эпитафия) в неопределимой перспективе *longue durée* геологического времени.

Реализм Зенкевича

На собрании в Литературном обществе в 1914 году Михаил Зенкевич провозгласил: «Если хотите, назовите акмеиста неореалистом. Такое название для него почетнее названия символиста или романтика. Но этот “неореализм акмеизма” не имеет ничего общего ни с обывательским реализмом, ни с подновленным академизмом парнасцев» [Зенкевич 1994: 21]. Геопоэмы Зенкевича — это не просто списки научных данных, как утверждал Брюсов, хотя его описания геологических процессов точны и могут быть восприняты как своего рода научный реализм. Например, в стихотворении «Махайродусы» Зенкевич научно адекватно описывает геологическую среду, в которой кости динозавров превращаются в окаменелости:

И ветром и дождем разрытые долины
 Давно иссякших рек, как мавзолеей, хранят
 По прессами пластов в осадках красной глины
 Костей обглоданных и выщербленных склад

[Зенкевич 1912: 31].

В «Ящерах» Зенкевич так же точно определяет и условия материальной среды, в которых происходила фоссилизация останков доисторических животных, и суть самого этого процесса: «Набальзамированы ваши трупы / Под жирным илом царственных гробниц» [Там же: 28], — здесь лирический субъект напо-

минает читателю о консервирующих свойствах некоторых видов почвы. Природные геологические силы, формирующие земные пласты, сохраняют эти останки в виде окаменелостей и тем самым летописуют истории вымирания.

Зенкевич уделял значительное внимание визуальному облику материального мира, передавая в натуралистических подробностях блестящие металлы, вязкую текстуру хлюпающей грязи и ила, мох и лишайники в тенистых расщелинах скал. Так есть ли разница между реализмом Зенкевича и «обывательским реализмом», который он презирал? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к новому течению современной философской мысли, получившему название спекулятивного реализма, за отправной точкой для рассуждений о зенкевичевском подходе к творческому осмыслению Земли до появления человечества. Спекулятивный реализм можно представить как радикальную онтологию, которая ищет и воображает существование, полностью внеположенное человеческому сознанию. Это не возвращение к позитивизму, а скорее «критика картезианского самотождественного субъекта» — другими словами, разделение реальности и человеческой мысли [Bryant et al. 2011: 3]. В отличие от акцента на эпистемологии, популяризованного Декартом и Кантом в эпоху Просвещения, спекулятивный реализм постулирует абсолютную реальность, не нуждающуюся в человеческом субъекте для того, чтобы доказать присутствие мира, который существовал до человека. Некоторые представители этого течения, например Квентин Мейясу, обратились к математике, чтобы описать этот сверхчувственный мир; другие, как Рэй Брасье, изучают математические основы физической науки, чтобы заглянуть в реальность, которая не коррелирует с человеческой мыслью.

Как поэту Зенкевичу хватало вербальных средств для установления связи с реальностью, внеположенной (или предшествующей) человеческой мысли; не выходил он и за пределы человеческой репрезентативной системы. При описании мира, предшествующего человеческому сознанию, он обращался скорее к самой Земле — как летописец, напоминающий своим читателям, что геологические горизонты и палеонтологические находки свидетельствуют о земных событиях и формах жизни, неизвестных человеку, но тем не менее реальных, поскольку они — форма априорного знания. Геопозэмы Зенкевича подсказывают, что Земля ведет летопись глубокого времени, но так же, как и с математическими вычислениями Мейясу и Брасьера, эти данные нуждаются в интерпретации, чтобы иметь смысл для человека. Спекулятивный реализм отвергает корреляционизм — систему взглядов, согласно которой «все сводится к вопросу человеческого доступа к миру, а не-человеческие отношения часто оставляют на долю естественных наук» [Harman 2009: 156].

Зенкевичевские геопозэмы занимают промежуточную позицию между антропоцентрическим корреляционизмом и чистым спекулятивным реализмом. Лирический субъект не устраняет человека из хода планетной истории и эволюции форм жизни, но поэт любопытным образом подвергает пересмотру чисто человеческую и даже животную субъектность. В стихотворении «Свершение» мельчайшие и наиболее примитивные формы растительной жизни и обширные земные пласты свершают действия — их поведение описано активными глаголами — без каких-либо импульсов со стороны животной жизни. Животная модель субъекта, действия которого определяются комплексом мотивов («желание, влечение, движение, расширение границ, доминирование и потребление» [Meeker, Szabari 2020: 13]), здесь поставлена под вопрос, по-

скольку Зенкевич отказывается назвать движущие силы происходящего в природном мире. Смена дня и ночи в этом тексте представлена как континуум деятельности: при свете луны мхи и лишай «вскарабкались на валуны», а в «полднемном полушарии» «сохнут, трескаясь, пласты [Земли]» и «сверкает золото среди скал». Как Земля вращается вокруг оси, повинуюсь лишь собственному внутреннему импульсу, так и «громады льдистые сползут», и пауки «шевелият щупальцами». Зенкевич привлекает внимание читателя и к бурной активности на поверхности Земли, и к динамизму самой Земли, явленному в формировании ее рельефа: котловин, уступов, обвалов, — и все это без участия разума, воли, желания или влечения. В отличие от земли с ее мхами и лишайниками, животные субъекты в стихотворении «Махайродусы» наделены желаниями и влечениями. Зенкевич сообщает, что динотерии (первобытные предки слонов), спасаясь «от зуда и жары», могли залезть «валяться в ил»; мастодонты испытывали страх перед преследующими их саблезубыми тиграми («Так жалобно ревел отставший мастодонт»), и выбранное наречие призвано вызвать сочувствие, — так что животная модель субъектности здесь сохраняется и находит отклик у человека как родственного существа.

Заключение

Кости и окаменелости, найденные в первые годы XX века, стали подтверждением как дарвиновского понимания эволюционной биологии, так и модернистского представления о линейном ходе времени. Беспрецедентность и экзотичность первобытных форм жизни шокировала и забавляла общество и вдохновляла художников и писателей на воссоздание картины мира до Homo sapiens. Будучи вербальными текстами, лирический герой которых наделен даром речи, геопэмы Зенкевича не пытаются передать полностью нечеловеческую субъектность или реальность за пределами человеческой мысли. Эти стихотворения выполняют ту же хроникальную роль, что и окаменелости: они хранят и передают свидетельства о далеком прошлом, в то время как их собственный лексический материал компенсирует предполагаемое безмолвие Земли до появления языка.

Планетарное сознание Зенкевича было мерой модернистского видения мира, и мое исследование его поэтического мастерства, традиционно определяемого в терминах акмеизма и адамизма, расширяет параметры реализма и примитивизма, характеризующих эти литературные течения Серебряного века. Предпринятый анализ геопэм принципиально расходится с превалирующим антропоцентрическим подходом к русскому модернизму, который зачастую сосредоточен на богатой творческой экологии литературных кругов, салонов и издательств этого периода или изучении отдельных «великих» писателей. Надеюсь, что, сфокусировав внимание на палеонтологических контекстах и подтекстах геопэм Зенкевича, я смогла привести неоспоримый пример того, как русская модернистская культура вобрала в себя научные открытия своего времени и голос самой материи.

Пер. с англ. Арины Волгиной

Библиография / References

- [Битнер 1901] — *Битнер В.В.* На рубеже столетий: Обзор главнейших науч[ных] и культур[ных] приобретений XIX века: В 2 т. Т. 1. Ч. 1: Исповедь Земли: Очерк успехов геологии и палеонтологии. СПб.: П.П. Сойкин, 1901.
- (*Bitner V.V.* Na rubezhe stoletiy: Obzor glavneyshikh nauch[nykh] i kul'tur[nykh] priobreteniy XIX veka: In 2 vols. Vol. 1. Pt. 1: Ispoved' Zemli: ocherk uspekhev geologii i paleontologii. Saint Petersburg, 1901.)
- [Боратынский 2002] — *Боратынский Е.А.* Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. Т. 2. Ч. 1: Стихотворения 1823—1834 годов. М.: Языки славянских культур, 2002.
- (*Boratynskii E.A.* Polnoe sobranie sochineniy i pisem: In 3 vols. Vol. 2. Pt. 1: Stikhotvoreniya 1823—1834 godov. Moscow, 2002.)
- [Брюсов 1912] — *Брюсов В.* Сегодняшний день русской поэзии // Акмеизм в критике 1913—1917 / Сост. О.А. Лекманов, А.А. Чабан. СПб.: Изд-во Тимофея Маркова, 2014. С. 44—50.
- (*Bryusov V.* Segodnyashniy den' russkoy poezii // Akmeizm v kritike 1913—1917 / Comp. by O.A. Lekmanov, A.A. Chaban. Saint Petersburg, 2014. P. 44—50.)
- [Вальтер 1911] — *Вальтер И.* История Земли и жизни / Пер. с нем. Г.И. Кваша. СПб.: Изд-во П.П. Сойкина, 1911.
- (*Walther J.* Geschichte der Erde und des Lebens. Saint Petersburg, 1911. — In Russ.)
- [Городецкий 1913] — *Городецкий С.* Некоторые течения в современной русской поэзии // Аполлон. 1913. № 1. С. 46—50.
- (*Gorodetskiy S.* Nekotorye techeniya v sovremennoy russkoy poezii // Apollon. 1913. № 1. P. 46—50.)
- [Гумилев 1913] — *Гумилев Н.* Наследие символизма и акмеизм // Аполлон. 1913. № 1. С. 42—45.
- (*Gumilev N.* Nasledie simbolizma i akmeizm // Apollon. 1913. № 1. P. 42—45.)
- [Зенкевич 1912] — *Зенкевич М.* Дикая порфира. СПб.: Цех поэтов, 1912.
- (*Zenkevich M.* Dikaya porfira. Saint Petersburg, 1912.)
- [Зенкевич 1994] — *Зенкевич М.* Декларация культурных прав акмеизма // Зенкевич М. Сказочная эра. Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. М.: Школа Пресс, 1994.
- (*Zenkevich M.* Deklaratsiya kul'turnykh prav akmeizma // Skazochnaya era: Stikhotvoreniya. Povesť. Belletristicheskie memuary. Moscow, 1994.)
- [Лондон 1909] — *Лондон Дж.* До Адама / Пер. с англ. В. Ореховой. М.: В.М. Саблин, 1909.
- (*London J.* Before Adam. Moscow, 1909. — In Russ.)
- [Мандельштам 1916] — *Мандельштам О.* Камень. Стихи. Пг.: Гиперборей, 1916.
- (*Mandel'stham O.* Kamen'. Stikhi. Petrograd, 1916.)
- [Мандельштам 1987] — *Мандельштам О.* Утро акмеизма // Мандельштам О. Слово и культура: статьи. М.: Советский писатель, 1987. С. 168—172.
- (*Mandel'stham O.* Utro akmeizma // Mandel'stham O. Slovo i kul'tura: statji. Moscow, 1987. P. 168—172.)
- [Нелихов 2020] — *Нелихов А.* Палеонтологические карикатуры // Элементы (https://elementy.ru/kartinka_dnya/1062/Paleontologicheskie_karikatury (дата обращения: 28.12.2020)).
- (*Nelikhov A.* Paleontologicheskie karikatury // Elementy (https://elementy.ru/kartinka_dnya/1062/Paleontologicheskie_karikatury (accessed: 28.12.2020)).)
- [Рогачева 2016] — *Рогачева Н.А.* Пространство Сибири в творчестве Михаила Зенкевича: философия и поэтика // Уральский исторический вестник. 2016. № 1 (50). С. 49—55.
- (*Rochageva N.A.* Prostrantsvo Sibiri v tvorchestve Mikhaila Zenkevicha: filosofiya i poetika // Ural'skiy istoricheskiy vestnik. 2016. № 1 (50). P. 49—55.)
- [Рубакин 1908] — *Рубакин Н.* Как, когда и почему люди появились на Земле? СПб.: Прометей, 1908.
- (*Rubakin N.* Kak, kogda i pochemu lyudi poyavilis' na Zemle? Saint Petersburg, 1908.)
- [Чехов 1901] — *Чехов А.П. (Седой А.)* Палеонтологические раскопки проф. В.П. Амалицкого (Новое время. 1901. № 8934. Прил. С. 8—10.) // Оноприенко В. Владимир Амалицкий. Пермские динозавры России. LAP Lambert Academic Publishing, 2017. С. 235—247.
- (*Chekhov A.P. (Sedoy A.)* Paleontologicheskie raskopi prof. V.P. Amalitskogo (Novoe vremya. 1901. № 8934. Pril. S. 8—10.) // Onoprienko V. Vladimir Amalitskiy. Permskie dinozavry Rossii. LAP Lambert Academic Publishing, 2017.)
- [Чуковский 1922] — *Чуковский К.* Футуристы // Чуковский К. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1969. С. 202—239 (<http://www.philology.ru/literature2/chukovsky-69.htm> (дата обращения: 28.12.2020)).

- (*Chukhovskiy K. Futurist* // Chukhovskiy K. *So-branie sochineniy*: In 6 vols. Vol. 6. Moscow, 1969 (<http://www.philology.ru/literature2/chukovsky-69.htm> (accessed: 28.12.2020)).)
- [Banerjee 2012] — *Banerjee A.* *We Modern People: Science Fiction and the Making of Russian Modernity*. Middletown: Wesleyan University Press, 2012.
- [Bryant et al. 2011] — *Bryant L., Srnicek N., Harman G.* *Towards a Speculative Philosophy // The Speculative Turn: Continental Materialism and Reality / Ed. by L. Bryant et al.* Melbourne: re.press, 2011. P. 1—18.
- [Cizevskij 1955] — *Cizevskij D.* *Das Buch als Symbol des Kosmos // Cizevskij D. Aus zwei Welten. Beiträge zur Geschichte der slavisch-westlichen literarischen Beziehungen*. Berlin; Boston: De Gruyter, 1955. P. 85—114.
- [Fein 2013] — *Fein J.* *Talking Rocks in The Irkutsk Museum: Networks of Science in Late Imperial Siberia // The Russian Review*. 2013. № 72. P. 409—426.
- [Harman 2009] — *Harman G.* *Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics*. Melbourne: re.press, 2009.
- [Khagi 2013] — *Khagi S.* *Silence and the Rest: Verbal Skepticism in Russian Poetry*. Evanston: Northwestern University Press, 2013.
- [Lobacheva 2007] — *Lobacheva S.V.* *On the History of Russian Paleontology // Paleontological Journal*. 2007. Vol. 41. № 2. P. 222—226.
- [Meeker, Szabari 2020] — *Meeker N., Szabari A.* *Radical Botany: Plants and Speculative Fiction*. New York: Fordham University Press, 2020.
- [Vucinich 1970] — *Vucinich A.* *Science in Russian Culture: In 2 vols. Vol. 2: 1861—1917*. Stanford: Stanford University Press, 1970.